

ИНТЕРВЬЮ С ЛОРИ ДАУНИ (LAURIE DOWNEY)

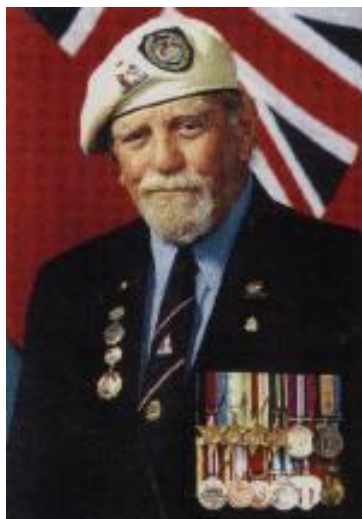
Несколько десятков австралийцев приняли участие в проводке конвоев в северные порты СССР в годы Второй Мировой войны. Они служили на кораблях британского ВМФ и на транспортных судах. Двое австралийцев – Джек Уайт и Филлип Пауэр - упоминаются среди участников проводки печально известного каравана PQ17, из 35 судов которого до советских портов дошло лишь 11. Австралийцы были курсантами офицерских курсов и проходили практику на судах охранения. После разгрома конвоя Филлип Рентон приобрел известность, написав гневное письмо в штаб британского ВМФ. В письме он выразил возмущение безответственностью политиков, приказавших судам эскорта бросить транспорты на произвол судьбы...

В столице Западной Австралии – Перте – жил один из немногих австралийцев, участвовавших в проводке арктических конвоев в СССР в годы Второй Мировой войны. Его имя – Лоренс (Лори) Дауни. Он родился в Перте в 1926 году в пригороде Мосман Парк в семье со строгими католическими традициями. В начале войны он был школьником и всегда помнил, как уходили на армейскую службу ребята, которые были на несколько лет старше его. В его доме на стене висели фотографии погибших земляков из его пригорода – пехотинцы, летчики, моряки, многих из которых он когда-то знал. В их числе – несколько моряков из трагически погибшей команды знаменитого австралийского крейсера *Sydney*...

В 1943 году в возрасте 16 лет Лори (на фото слева он в 1943 году) ушел из католической школы и нанялся на норвежский танкер *Marathon*. На норвежских судах, не вернувшихся в порты приписки после оккупации Норвегии в 1940 году, всегда не хватало моряков, поэтому в команде нашлось место и для подростка. Около двух лет Лори служил на этом судне. Ему посчастливилось увидеть много стран, в том числе, в 1944 году, - и Россию. Но, главное, ему удалось выжить. Многим его коллегам повезло меньше – их корабли были потоплены немецкими или японскими подводными лодками или самолетами.

Лори Дауни испытал и попробовал в жизни очень многое. После войны он был профессиональным боксером, монахом, удачливым бизнесменом, всю жизнь оставаясь ревностным приверженцем католицизма. Он умер в 2004 году.

Лори Дауни в 1999 году. Белый берет – «униформа» участников арктических конвоев

Вниманию посетителей сайта предоставляется интервью с Лоренсом Дауни, взятое у него в начале 2000 года, и несколько страниц из его неопубликованной автобиографической книги.

Лори, почему Вы стали моряком торгового, а не военно-морского флота?

Я был слишком молод для военной службы, поэтому и стал моряком торгового флота.

Где ходил ваш корабль до того, как присоединиться к арктическим конвоям?

Танкер *Marathon*, на котором я ходил в Мурманск и Архангельск во время Второй Мировой войны, совершал рейсы между Карибскими островами и США.

Каково было Ваше восприятие СССР до 1941 года? Как на него повлияли антикоммунистические настроения в Австралии в 1939 - начале 1941 годов во время существования советско-германского пакта?

Будучи школьником, я не думал слишком много о политике. Однако, обучаясь в католической школе, я вырос с убеждением, что «безбожный коммунизм» является злом и намеревается разрушить религию. Нас приучили верить в то, что Россия является родиной коммунизма, который угрожает всему миру.

Изменилось ли это восприятие в 1941-43 годах, до того, как вы побывали в России?

Нет, не изменилось, и мне было жалко русских людей, которые были обмануты «безбожным коммунизмом».

В скольких арктических конвоях вы приняли участие?

Я принял участие в двух русских конвоях - *JW 61* and *RA 62* (обратный конвой – В. К).

Как проходили эти конвои по сравнению с другими маршрутами, например, Великобритания – США?

Во время проводки русских конвоев нас атаковали торпедоносцы и бомбардировщики. Нас все время преследовали подводные лодки, но мы их не видели, а каждый день слышали постоянные взрывы глубинных бомб. Во время проводки всех остальных конвоев, в которых я принял участие, были только атаки подводных лодок.

Расскажите о самом страшном для Вас дне войны.

12 декабря 1944 года я никогда не забуду. Нас атаковали самолеты, базирующиеся в Норвегии. Все небо от горизонта до горизонта было освещено вспышками орудийных выстрелов и трассами снарядов и пулеметных очередей. Несомненно, для меня это был самый ужасный день войны.

Какое впечатление произвели на Вас Мурманск и советские люди?

Я провел в Мурманске всего несколько часов, так как мое судно шло дальше на восток в нефтеналивной порт Архангельска Молотовск. Именно там я впервые встретился с русскими людьми. Я поранил руку, и мне пришлось идти в местный госпиталь. В госпитале меня очень тепло встретили русские, ждавшие в очереди приема у врача. Они пропустили меня в начало очереди, так как знали, что я иностранный моряк. В знак благодарности я

раздал им несколько пачек сигарет, которые принес с собой в виде «валюты», поскольку сам не курил. После того, как врач обработал мою рану, я сбегал на корабль и снова вернулся в госпиталь, подошел к очереди и раздал несколько упаковок с маслом, шоколадом, беконом, сахаром и несколько консервных банок с мясом, которые я «одолежал» на судовом камбузе. Все это вызвало что-то вроде смуты среди полуголодных людей. Мне было их очень жалко. Я был расстроен тем, что им приходилось жить в условиях, невероятно тяжелых по сравнению с западными стандартами. Я поклялся, что когда-нибудь вернусь в Россию, но это случилось только пятьдесят лет спустя. Я приехал в Россию в 1996 году и вернулся с русской женой Ларисой.

Мы знаем, что эскортные корабли Вашего конвоя потопили две немецкие подводные лодки. Хотели бы вы сейчас встретиться с уцелевшими немецкими подводниками и согласились бы вы пожать им руки?

Да, я бы очень хотел встретиться с выжившими немецкими подводниками, так как я считаю их исключительно храбрыми людьми, которые потеряли 85% своих товарищей во время войны. Я бы хотел также посетить *U-boat Memorial* в Германии и возложить венок в память о тех людях, которые погибли в атаках на наш конвой на лодках *U-365* и *U-387*.

Николас Монсаррат, автор книги *The Cruel Sea/Жестокое Море*, вероятно, лучшего романа о конвоях, упомянул нескольких австралийцев, которые служили на корветах охранения. Знаете ли вы других австралийцев – участников арктических конвоев?

Я знаю, что были и другие австралийцы, участвовавшие в арктических конвоях, но мне не посчастливилось с ними встретиться.

Насколько военный опыт повлиял на Ваше решение стать католическим священником, принятое вскоре после войны?

Косвенно, я полагаю, мой военный опыт, в некоторой степени, повлиял на мое решение уйти в монастырь после войны. Я решил стать монахом и принять обет молчания в европейском монастыре, так как в Австралии в то время таких монастырей не было.

Страницы из автобиографической книги Лори Дауни

Мы оставили стоянку в Клайде и перешли в небольшую бухту Лох Ю к северу от Глазго. Это было место формирования конвоя *JW61*, состоящего примерно из тридцати судов. Наш капитан вернулся на корабль незадолго до выхода в море на небольшом буксире, доставившем его с последнего собрания капитанов всех судов, на котором разъяснялся порядок движения конвоя. Как только капитан взобрался на палубу, двое шотландских моряков из нашей команды спрыгнули на буксир, уже тронувшийся в обратный путь. Очевидно, рассказы о печальной судьбе многих судов на пути в Россию напугали их, и они решили дезертировать.

Конвой вышел в море 20 октября 1944 года. Эскорт состоял из трех авианосцев и нескольких эсминцев. Кроме того, советский ВМФ предоставил шесть судов охранения. Когда мы обходили Шотландию с севера, там, где Ирландское море сливается с Северным, погода испортилась так сильно, что почти все на борту свалились от морской болезни, включая даже капитана, который до этого провел на море двадцать пять лет. После того, как первый приступ морской болезни прошел, остальные стало переносить значительно легче... Они продолжались только час-другой. Мы шли под углом примерно 45 градусов к огромным волнам. Тяжело нагруженный *Marathon* низко сидел в воде. Он проскакивал над двумя волнами, но тяжело ударялся о третью с грохотом, который сотрясал весь корабль... Вода заливала палубы, и иногда волны перехлестывали даже через трубу. Это был самый сильный шторм, который я когда-либо видел. Брызги захлестывали рулевое отделение, и

деревянный мостик рулевого бросало из угла в угол вместе с рулевым. Однажды ночью я пришел на вахту у руля и обнаружил, что нактоуз и штурвал покрыты блевотиной. Пришлось смывать все это морской водой, которую я черпал с пола, сложив ладони ковшом. В такой шторм подводной лодке было бы трудно осуществить торпедную атаку – это, по крайней мере, вселяло бодрость. Как только мы обогнули северную оконечность Британских островов, погода улучшилась, и мы вновь пошли со скоростью в десять узлов. До этого мы давали не больше семи...

Под охраной нашего мощного эскорта мы не понесли никаких потерь, хотя видели и слышали взрывы глубинных бомб и как-то заметили самолет-разведчик *Dornier*, который, вероятно, давал наши координаты торпедоносцам, но они так и не прилетели. Тройка наших эскортных авианосцев была эффективным средством сдерживания...

Большая часть судов конвоя повернула в гавань Мурманска, в то время как танкеры ушли дальше на юг в направлении Архангельска, где находился нефтеналивной порт. Вход в бухту был закрыт льдами, и нам пришлось следовать за ледоколом *Сталин*.

Персонал порта состоял из женщин, так как мужчины, в основном, были на фронте. Женщины быстро поднялись на наш корабль и начали подсоединять шланги к кранам для откачки топлива. Тело одной из них позднее нашли между двумя судами – она упала за борт, предварительно попробовав спирт из одной из цистерн нашего танкера...

Нефтеналивной порт, в котором танкер разгружался, носил название Молотовск. В километре от причала, в центре поселка, находился клуб иностранных моряков - Интерклуб. Местным разрешали общаться с нами только там. В клубе играла музыка, люди танцевали, работал киоск, в котором можно было купить пирожное, чашку кофе или стакан водки. Там же был небольшой кинозал. Я завязал дружбу с киномехаником Ниночкой, и она пригласила меня в крохотную кинобудку.

Мне было любопытно, и я подумал о том, что хорошо было бы попросить Ниночку отвести меня к себе домой, так как я хотел увидеть, как люди живут в этой коммунистической стране. Она согласилась, но, думаю, что из-за языкового барьера мои намерения были интерпретированы ей не вполне верно. Очевидно, что молодые женщины, работавшие в службе Интерклуба, нуждались в деньгах, продуктах и многом другом для своих семей, и иностранные моряки могли все это предоставить в обмен на постельные услуги. На корабле рассказывали о том, как некоторые ребята просыпались в чужих постелях и не могли найти своей теплой одежды...

Когда мы вышли из клуба, Ниночка пошла в нескольких метрах впереди меня, так как не хотела, чтобы ее видели с иностранцем. Время от времени она исчезала в подъездах домов, мимо которых мы проходили. Затем она осторожно выходила, убедившись, что ее никто не видит. Так мы подошли к двухэтажному деревянному зданию. Она взяла меня за руку и повела вверх по лестнице, затем по плохо освещенному коридору в комнату, где жила ее семья: мать, тетка, маленькие братья и сестры, должно быть, семь-восемь человек. Посреди комнаты был большой стол, в углу – занавеска, отгораживающая душ... В другом углу стояла двуспальная кровать. Кроме нескольких английских слов, которые Ниночка выучила в клубе, никто в комнате не знал ни слова по-английски, и поэтому пришлось объясняться жестами. Меня усадили между матерью и дочерью, и тут мы услышали, что кто-то поднимается по лестнице, и я почувствовал, что мне бы лучше быть где-нибудь в другом месте. Итак, меня взяли за руку, затолкали за занавеску в угол и жестами дали понять, что надо помалкивать. В это время в комнату вошел довольно рослый русский моряк и уселся на край двуспальной кровати. Детей выставили из комнаты, свет погас, и чья-то рука вывела меня из-за занавески и оттащила в коридор. Да, - подумал я, - кровать-то здесь место для добывания денег, а Ниночка – главный добытчик... Я сам добрал до корабля, благо Молотовск был совсем небольшим поселком...

Мне стало жаль русских людей. Жаль, что им приходилось жить так, чтобы выжить, да и суровая зима делала жизнь еще тяжелее. Еще один пример добывания денег я увидел через день или два, когда женщина из Интерклуба отвела в какой-то дом сразу нескольких ребят из нашей команды. Она, очевидно, была «сутенершей» и получала комиссионные. Я тоже пошел туда и, войдя в дом, с удивлением увидел большую комнату и четырех девушек в кроватях, расставленных по углам. Мои товарищи сделали выбор, свет потушили, и я остался с «сутенершей», которая быстро выскользнула на улицу, испугавшись, что я выбрал ее...

Мы все еще стояли в Молотовске, когда со мной произошел несчастный случай. Капитан попросил боцмана наполнить бочку бензином с помощью небольшого ручного насоса. Боцман попросил меня помочь поставить бочку на две параллельные трубы. Когда она наполнилась, мы стали снимать ее, покрытая льдом бочка соскользнула и ее краем мне отбило кончик пальца на левой руке...

Одна из женщин-рабочих отвела меня в поселковую больницу, где в очереди на прием к врачу стояли тридцать-сорок человек. Пожилая женщина вышла из очереди и отвела меня за руку в ее начало. Думаю, ей стало жалко подростка с иностранного корабля. Она назвала меня *malenki*. Я достал несколько пачек американских сигарет, которые мы всегда носили с собой в качестве «валюты», и раздал их людям из очереди. Мне было приятно видеть выражение благодарности на их лицах...

Когда цистерны танкера были опорожнены, мы вышли в море вслед за ледоколом *Сталин* и направились в Мурманск, где должны были ждать нового конвоя в Великобританию. Много кораблей еще стояло под разгрузкой, так как танкеры разгружались значительно быстрее грузовых судов. Увольнения на берег в Мурманске мало отличались от молотовских. Все здания в городе были деревянными, и многие из них носили следы бомбежек. В начале войны город был практически разрушен. Здесь также был Интерклуб, правда, побольше, чем в Молотовске...

В обратный путь мы отправились в составе конвоя *RA62*, который вышел в море 10 декабря 1944 года. Конвой состоял из 29 транспортов, двух эскортных авианосцев, крейсера и нескольких эсминцев. Эскорт вышел в море раньше других для того, чтобы очистить выход из Кольского залива от немецких подводных лодок. На второй день плавания немецкая подводная лодка *U-365* торпедировала судно *Cassandra*, которое, однако, осталось на плаву и добралось до Мурманска задним ходом. Двенадцатого декабря норвежское судно *Tunsberg Castle* подорвалось на mine и затонуло. В тот же день вечером девять торпедоносцев *Люфтваффе* безуспешно атаковали конвой. Два самолета были сбиты зенитным огнем, причем один из них упал в воду в нескольких сотнях метров от нашего судна. Тогда я впервые испытал, что такое воздушная атака: до того дня наши конвои оборонялись только от подводных лодок. Небо было освещено от горизонта до горизонта разрывами снарядов и трассирующим огнем со всех судов конвоя. Мой пост был на носу – я подавал снаряды зенитному расчету, который сбил один из торпедоносцев. Меня трясло от страха, колени дрожали, и я ничего не мог сделать, чтобы унять эту дрожь. Никогда в жизни мне не было так страшно. Только в один момент мой страх улетучился, - тогда, когда я увидел падающий в море самолет невдалеке от нашего корабля. В первый раз в жизни я видел, как кто-то был убит. В этом бою самолет с одного из эскортных авианосцев потопил немецкую подводную лодку *U-365*. Еще одна лодка – *U-387*, была потоплена глубинными бомбами, сброшенными с британского корабля *Bramborough Castle*. Так, потеряв только одно судно, конвой записал на свой счет две потопленные подводные лодки и два сбитых вражеских самолета.

Остаток пути обошелся без происшествий, и мы прибыли в Лох Ю 19 декабря 1944 года, где присоединились к другому конвою, идущему в Нью-Йорк.

Интервью – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org